

Эмигрантский мыслитель Александр Шифрин и его анализ фашизма 1929–1933 гг.*

Л.М. Люкс

Историю противостояния фашизму или национал-социализму в межвоенный период можно в основном рассматривать как историю ошибочных оценок. Успехи обоих движений были обусловлены не только неспособностью их противников, но и неспособностью их союзников понять характер этих движений. Не в последнюю очередь поэтому особого внимания заслуживают аналитики, которые своевременно определили характер этого вызова. Статья посвящена одному из таких аналитиков. Это немецко-российский социал-демократ Александр Шифрин (1901–1951), чей проницательный анализ фашизма, данный в то время, когда национал-социалисты шли от победы к победе, не вызывал достаточного внимания исследователей как на Востоке, так и на Западе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Александр Шифрин, Рудольф Гильфердинг, меньшевики, СДПГ, КПГ, Коминтерн, фашизм, национал-социализм.

ЛЮКС Леонид Михайлович – доктор исторических наук, научный руководитель Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога при НИУ ВШЭ.

leonid.luks@ku.de

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2018 г.

Цитирование: Люкс Л.М. Эмигрантский мыслитель Александр Шифрин и его анализ фашизма 1929–1933 гг. // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 105–115.

Несколько слов о политическом пути Александра Шифрина (см. о нем [Schöler 2007, 69–82; Pyta 1989; Liebich 1997, 100, 237, 241, 269, 286, 340; Liebich 1995, 235–236; Grebing 1990, 238–240]). Он разделил судьбу тех русских социал-демократов (меньшевиков), которые после завершения в марте 1921 г. бескомпромиссной большевистской политики военного коммунизма подверглись особенно резким преследованиям со стороны режима. Это произошло, несмотря на то, что меньшевики, в отличие от многих других противников большевиков, отвергали вооруженную борьбу против режима, установленного в октябре 1917 г. и лишь на словах выступали против большевистской диктатуры [Liebich 1997, 83]. Но даже словесная критика, если она не исходила из большевистских рядов, наказывалась большевистским руководством с возрастающей жесткостью. Репрессии против меньшевиков были не в последнюю очередь обусловлены тем фактом, что они критиковали политику большевистского режима с использованием марксистских аргументов. Тем самым они еще больше подрывали доверие к большевикам в глазах революционно настроенных масс.

8 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) принял по вопросу о меньшевиках постановление: «Политической деятельности [меньшевиков] не допускать... Самых активных выселять в административном порядке в непролетарские центры, лишив их

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

© Люкс Л.М., 2019 г.

права занимать выборные должности, связанные с общением с широкими массами» [Наше отечество 1991, 122; Liebich 1995, 123–125]. С этого момента меньшевики могли действовать в основном в подполье. Многочисленные партийные функционеры и вожди должны были покинуть родину и разделить судьбы многих либерально и консервативно настроенных русских интеллектуалов, вынужденных уехать из страны [Высылка 2005; Остракизм 2010; Ленин 1999, 550–557]. Германия стала местом прибежища для многих русских эмигрантов, в том числе и для Александра Шифрина. В судьбе Шифрина заслуживает особого внимания тот факт, что, в отличие от большинства россиян, оказавшихся в Германии, он очень быстро вошел в новое для него языковое и культурное окружение. Шифрин, оставаясь меньшевиком, вступил в Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) [Liebich 1995, 236]; очень скоро он превратился в одного из ведущих публицистов немецкоязычной социал-демократической печати, автора таких изданий, как *Mannheimer Volksstimme*, *Der Kampf*, но прежде всего издаваемого Рудольфом Гильфердингом теоретического органа СДПГ *Die Gesellschaft*. Шифрин писал многочисленные тексты и для центрального органа меньшевиков газеты «Социалистический вестник», в этом случае на русском языке. Не в последнюю очередь вследствие своего двуязычия Шифрин слыл «интеллектуальным вундеркиндом» меньшевистской эмиграции [Liebich 1997, 100, 269; Schöler 2007, 71].

Однако перейдем, как сказано в названии статьи, к проблеме изучения Шифриным фашизма и национал-социализма 1929–1933 гг. В оценке этих политических явлений он предвосхитил некоторые аспекты современных теорий фашизма.

1. Реакция марксистских теоретиков на рост влияния НСДАП

Внезапный подъем НСДАП начался в середине 1929 г., за несколько месяцев до Великой депрессии. На это обстоятельство указывали такие знатоки фашизма, как историк из Бохума Ханс Моммзен и польский автор Ежи Хольцер [Mommssen 1976, 157–181; Holzer 1975, 104]. Рост популярности НСДАП был следствием отказа определенных течений Германии от проводимой Густавом Штресеманом политики внутренних и внешних компромиссов. Для этих сил были неприемлемы компромиссы, к которым стремился Штресеман: внешнеполитический компромисс в виде плана Юнга и внутриполитический компромисс – коалиционное правительство с СДПГ. Тенденции к радикализации политики Германии, которые проявились еще до начала мирового экономического кризиса, усилились с его началом. Тем не менее победа НСДАП на выборах в рейхстаг 14 сентября 1930 г. стала для многих противников нацистов и не в последнюю очередь для разделенного на два лагеря марксистского рабочего движения большим сюрпризом.

Так, эксперт большевистской партии и Коминтерна по Германии Карл Радек 26 сентября 1930 г. писал в органе Коминтерна «Инпрекорр», что результаты выборов в рейхстаг стали неожиданностью для всех. История политической борьбы, особенно в такой стране, как Германия, не знает ничего подобного: каждая новая партия испытывает здесь большие трудности, стремясь завоевать себе место наряду со старыми партиями. Ничто в этой связи не является более показательным, чем отсутствие значимых суждений об этой партии как в буржуазной, так и в социалистической литературе. НСДАП – это партия без истории, внезапно вторгшаяся в политическую жизнь Германии. Ее подъем можно сравнить с появлением острова в море, который возник в результате действия вулканических сил [Radek 1930, 197–199]. Радек, который в 1923 г. подробно анализировал национал-социализм, считал, по-видимому, национал-социалистскую партию 1930 г. политическим явлением, принципиально отличным от НСДАП 1923 г.

Но и для многих немецких социал-демократов результаты выборов в рейхстаг 14 сентября 1930 г. стали полной неожиданностью. Первая реакция Рудольфа Гильфердинга на эти события во многом походила на реакцию Радека. «Исход выборов был хуже всех наших самых плохих ожиданий», – писал Гильфердинг в статье «У последней черты», опубликованной в сентябре 1930 г. в журнале *Die Gesellschaft*. Столь быстрое превращение маленькой группы в одну из сильнейших партий – это произошло всего

за два года — было беспримерным в истории парламентаризма. Тот факт, что этот политический процесс стал полной неожиданностью для политиков, говорит о том, что политики не знали настроений народных масс [Hilferding 1930, 292].

2. Демократия и фашизм

Как же реагировал Шифрин на это развитие? Особенно сильно при анализе успеха нацистов на выборах Шифрина потряс тот факт, что радикальные противники парламентской демократии победили ее, действуя ее же оружием. По мнению Шифрина, трагедия немецкой демократии состояла в том, что национал-социализм нанес ей сильнейший удар не с помощью уличного террора, а убедительной победой на выборах [Шифрин 1930^a; Шифрин 1930^b; Schifrin 1931^a, 9].

Парламентская демократия политизировала массы и тем самым создала предпосылки успеха таких массовых движений, как НСДАП. Без демократии в качестве предпосылки настоящий фашизм был бы невозможен. Фашизм возник не из развалин старого режима, а из внутренних противоречий демократии [Schifrin 1930, 399]. Нестабильность демократической системы дала фашистским движениям сильнейшие шансы на успех. Не экономический кризис, а потрясение основ парламентской демократии стало важнейшей предпосылкой успеха фашистов. Германию и Италию объединяло не сходство экономических структур, а слабая и не имеющая традиций демократия [Schifrin 1930, 1–9].

В способности использовать политические возможности парламентской демократии в своих целях национал-социализм явно превосходил итальянский фашизм, продолжает свои рассуждения Шифрин. НСДАП — это централизованная массовая партия, нацеленная на пропаганду. Она реформировала политические технологии, используя самые сильные и эффективные средства воздействия на массы. Национал-социализм борется за власть не как объединение боевиков, а как политическая партия, в отличие от итальянского фашизма, который победил своих противников больше физически, чем политически [Schifrin 1930, 397–399; Шифрин 1931]. Шифрин предупреждает социал-демократов в тщетности надежд на то, что они-де смогут привлечь на сторону СДПГ сторонников НСДАП из пролетарской или мелкобуржуазной среды. Большая часть электората партии национал-социалистов не является потенциальными избирателями СДПГ [Schifrin 1930, 407]. Не следует идеализировать избирателей НСДАП, представляя их «антикапиталистическими» массами, как это делали не только некоторые социал-демократы, но и прежде всего коммунисты [Там же, 402]. Шифрин считает, что решающим фактором политики НСДАП была воля ее вождей, а не сторонников. У НСДАП нет организованной партийной структуры: она состоит из агитационного аппарата и отрядов штурмовиков. Поэтому массы избирателей очень слабо связаны с партией. Причем эти массы едва ли в состоянии каким-либо образом влиять на партийных вождей [Там же 402–403, 407].

Шифрин, который хотел отказаться от обращения к избирателям нацистов, в полной мере осознавал, что они в основном представляют собой определенный психологический тип, который не зависит от социального происхождения. Для этого типа людей марксистское мировоззрение СДПГ и ее приверженность к парламентской демократии были неприемлемы. Больше шансов на успех Шифрин видел в попытке привлечения на сторону СДПГ коммунистических избирателей. По его мнению, следовало убеждать сторонников Коммунистической партии Германии (КПГ) в том, что борьба против парламентской демократии приносит наибольший вред именно пролетариату. Демократия образует политическое жизненное пространство для борьбы рабочего класса; поэтому так важна защита демократии от фашизма [Schifrin 1931^d, 510–511]. Шифрину были очевидны слабости СДПГ, которые все сильнее проявлялись в раскаленной политической атмосфере 1930–1933 гг. СДПГ была сильно деполитизирована. Партия так глубоко погрязла в рутине организационных проблем и административных вопросов, что разучилась бороться за человеческие души. Большие политические задачи ушли на второй план, подчеркивает Шифрин [Schifrin 1930, 411]. Через несколько месяцев Шифрин писал, что прежде по эффективности своей политической техники СДПГ не имела себе

равных; это признавали даже ее политические оппоненты. Это превосходство СДПГ было сначала ослаблено коммунистами, а затем подорвано нацистами [Schifrin 1931^d, 499]. СДПГ была самой сильной, солидной, способной к сопротивлению организацией, связанной со всеми сферами жизни пролетариата, продолжает Шифрин. Однако она слишком поздно заметила критический характер времени, брожение в среде пролетариата и кризис среднего класса. Ее собственная организация оказала на партию консервирующее и изолирующее воздействие. СДПГ должна усилить свое влияние на общественное мнение Германии. В распоряжении СДПГ был крупнейший в Европе газетный концерн, однако партия не в состоянии в необходимой мере оказывать влияние на немецкую общественность, подчеркивает Шифрин [Там же, 514–515].

Положение СДПГ в начале 30-х гг. действительно было в высшей степени сложным. В борьбе за становящегося все более радикальным немецкого избирателя социал-демократы не могли конкурировать ни с нацистами, ни с коммунистами. Поэтому СДПГ, вторая по численности массовая партия Германии, теряла популярность. Ее политика толерантности в отношении консервативных президентских кабинетов, которые начиная с марта 1930 г. правили страной независимо от парламента, все больше теряла популярность в глазах немецких избирателей. Однако СДПГ решила на проведение непопулярной политики «меньшего зла», полагая, что этого требует от нее государственная целесообразность [Шифрин 1931; Шифрин 1932]. Только так якобы возможно было предотвратить захват власти национал-социалистами. Однако ошибка СДПГ заключалась в том, что социал-демократы полагали, что немецкие консервативные силы одинаково с ними понимают, что такое государственная целесообразность.

Чтобы поддержать существующее правительство Германии, СДПГ пыталась мобилизовать не только свои резервы, но и силы всего Социалистического рабочего интернационала. По мнению СДПГ, это отвечало интересам всех демократов, так как победа НСДАП в такой высокоиндустриальной стране, как Германия, нанесла бы сильнейший удар по демократическим принципам. «Подрыв демократии в Германии потряс бы ее устои во всех странах восточнее Рейна», — писал Шифрин в сентябре 1931 г. [Schifrin 1931^e, 204–205]. Без победы контрреволюции в Германии диктаторские режимы в Восточной Европе оставались бы лишь периферийным политическим явлением. С победой фашизма в Германии в его власти оказался бы центр Европы [Там же, 211].

3. Национал-социализм и итальянский фашизм

В работе «Смыслы свастики», опубликованной в 1931 г. в журнале *Die Gesellschaft*, Шифрин подробно рассматривает вопрос, который часто оставляли без внимания марксистские исследователи фашизма: что представляет собой фашистская и национал-социалистическая идеология. По мнению Шифрина, идеологические моменты играли чрезвычайно важную роль в деятельности правозэкстремистских массовых движений. Фашисты, прежде всего национал-социалисты, были успешнее многих других партий, например, СДПГ, потому что они очень серьезно относились к вопросам идеологии. Национал-социализм параллельно создавал и свою организацию, и свою идеологию [Schifrin 1931^b, 98–99]. Шифрин сравнивает идеологическую и политическую программы фашистов и национал-социалистов и находит их фундаментальные различия. Обычно фашизм определяют как современную форму контрреволюции. Однако это верно лишь в случае итальянского фашизма [Там же, 103]. Для национал-социализма характерно лишь внешнее использование современной пропагандистской техники и организационных методов. По своей же сути он стремится вернуться в прошлое. Его реакционные цели, в отличие от задач старых буржуазных партий, являются максималистскими и утопическими. Этот утопизм не просто мечта, он является сутью нацизма. В своем безудержном устремлении назад в прошлое национал-социализм гораздо более опасен для демократии и социал-демократии, чем итальянский фашизм. Шифрин называет национал-социализм «ожесточенным» фашизмом, самым реакционным из всех фашизмов [Там же, 103–104]. Шифрин принадлежал к тем немногим марксистам, которые распознали большое значение расистских компонентов в нацист-

ской идеологии. Впервые политическая контрреволюция провозгласила расовое учение своей официальной идеологией [Там же, 114]. Шифрин говорит о неоднозначном отношении национал-социалистов к германскому консерватизму, и этот его тезис отличается необычайной пронизательностью: нацисты вкладывают, например, в понятие национализма совершенно иное содержание, чем консерваторы [Там же, 114–115].

Через несколько десятилетий историк Роберт К. Такер назвал национал-социалистов «фарисеями национализма» [Tucker 1963]. Тенденции, лежащие в основе этого определения Такера, были распознаны Шифриным уже в 1931 г. По словам Шифрина, понятие расы выходит за рамки концепции нации и государства. Государство становится средством сохранения и воспроизводства расы [Schifrin 1931^b, 114–115]. В отличие от многих немецких консерваторов, Шифрин понимал, что национал-социализм не желает признавать концепции нации и государства, неприкосновенные для немецких консерваторов. Согласно Шифрину, программа итальянских фашистов коренным образом отличалась от программы национал-социалистов. Итальянский фашизм современен и реалистичен, но при этом жесток и антидемократичен. Однако он не отвергает современного экономического развития, он открыт внешнему миру и по всем направлениям ищет компоненты своей идеологии [Там же, 115]. В отличие от национал-социализма, итальянский фашизм идеологически не стоит вне магистральных путей развития европейской культуры, являясь составляющей частью духовного кризиса Европы. Макиавелли, Парето, Сорель и Бергсон – совсем другие основоположники, отличные от Лагарда, Х.С. Чемберлена и Гюнтера [Там же]. Итальянский фашизм – это волюнтаристское и империалистическое движение, не обремененное романтикой возврата в средневековье. В его идеологии нет и следа расового учения: она основана на этатизме и национализме. Мифология Рима совсем иная, чем миф Одина [Там же, 116]. В другой статье Шифрин пишет, что в Италии существует самый современный фашизм внутри слабо развитого капитализма; в Германии же – самый отсталый фашизм, развивающийся в сложном, высокоразвитом и высокочувствительном капиталистическом обществе [Schifrin 1931^c, 409]. Утопическое стремление национал-социалистов вернуть этот сильно дифференцированный социальный организм на более примитивную стадию развития обречено на неудачу, считает Шифрин [Там же, 409–410].

Сделанный Шифриным анализ этих двух крайне правых программ был примечательным достижением для того времени. И все же Шифрин недооценил шансы национал-социалистической программы на успех. Примитивность и банальность национал-социалистической идеологии, ее противоречивые и абсурдные цели, по словам Шифрина, предопределяют провал национал-социализма. В этом он, аналогично другим марксистским теоретикам (например, Льву Троцкому), продемонстрировал чувство интеллектуального превосходства. Решающим для успеха национал-социалистической идеологии были, однако, не ее интеллектуальная убедительность или духовное совершенство, а способность играть на глубоких чувствах масс и мобилизовать для достижения своих целей недовольство широких слоев населения Германии.

Тезис Шифрина о том, что национал-социалистическая идеология, в отличие от идеологии итальянского фашизма, не является частью европейского интеллектуального кризиса, был необубедительным. Шифрин обосновывал этот тезис тем, что итальянский фашизм выступает за современное развитие Европы, тогда как национал-социализм отвергает его [Schifrin 1931^b, 103, 115–116]. Он упускал из виду тот факт, что восстание против современности также может быть частью современности.

В отличие от Шифрина, лидер Итальянской социалистической партии Филиппо Турати при сравнении национал-социализма с итальянским фашизмом рассматривал прежде всего их общие черты, а не различия. «Мировая война в той же степени ответственна за рост итальянского фашизма, как и национал-социализма», – сказал он на 4-м конгрессе Социалистического интернационала в 1931 г. [Vierter Kongress 1932, 44–45]. Турати напомнил свое предсказание, сделанное на предыдущем конгрессе в 1928 г.: фашизм не является феноменом, который возникает только в таких «слаборазвитых» странах, как Италия. Мнение социал-демократов, которые полагали, что высокоразвитым странам фашизм не угрожает, основано на иллюзии. Кризис в Германии разоблачил эту

иллюзию [Там же, 44]. Турати также повторил свой тезис 1928-го г. о том, что победа фашизма в Европе неизбежно означала бы войну [Там же 44–45]. Рассматривая мировую войну в качестве важнейшей причины подъема как итальянского фашизма, так и немецкого национал-социализма, Турати игнорировал важность того факта, что немецкий нацизм, в отличие от итальянского фашизма, не получил возможности захватить власть сразу после войны. Непосредственный опыт войны, который сильно повлиял на итальянский фашизм, не мог сыграть столь важной роли в развитии национал-социализма более чем через десять лет после окончания войны, в начале тридцатых годов. Поэтому среди прочего в 1931 г., когда Турати приравнивал национал-социализм к итальянскому фашизму, партия НСДАП качественно отличалась от итальянского фашизма образца 1922 г. и даже самой НСДАП, какой она была в 1923 г. В то время как Шифрин, противопоставляя нацизм и итальянский фашизм, определил последний как жестокое, но уверенное в себе и очень современное политическое движение, итальянский фашизм в глазах итальянских социал-демократов выглядел иначе. Как отмечал Пьетро Ненни, фашизм в Италии в первую очередь был следствием развития чувства национальной неполноценности. У итальянцев был комплекс неполноценности в отношении других «богатых» империалистических стран, которые совершали колониальные завоевания, в то время как Италия была занята достижением своего национального единства. Ненависть итальянцев к «богатым» империалистским государствам была бессильной ненавистью, поскольку Италия была слишком бедна и слишком слаба, чтобы вести завоевательные войны против этих государств. Фашизм призывал итальянскую нацию отомстить за нанесенные ей реальные или мнимые обиды, он обращался к чувству неполноценности итальянцев и тем самым добился больших успехов [Nenni 1945]. Шифрин видел лишь в национал-социализме выражение национальных комплексов неполноценности. Он недооценил тот факт, что итальянский фашизм, хотя и в меньшей степени, содержал аналогичные компоненты.

4. Национал-социализм и немецкие консерваторы

Уже в начале 1931 г. Шифрин указывал на то, что национал-социализму, который, в отличие от итальянского фашизма, не опирался на революционную или синдикалистскую традицию, было значительно легче, чем итальянскому фашизму, вступать в коалицию с консерваторами. При этом от национал-социализма не требовалось никаких внутренних перемен [Schifrin 1931^a, 10; Schifrin 1931^b, 102]. В то же время Шифрин говорит о двойственном и сложном отношении немецких консерваторов к национал-социализму [Schifrin 1931^c, 398, 402–403, 407–411]. В апреле 1931 г. Шифрин отмечал, что немецкие консерваторы многому научились на опыте итальянских консерваторов. Германский государственный аппарат, в отличие от государственного аппарата Италии кануна событий октября 1922 г. (так называемого «марша на Рим»), не был разрушен. Он был в состоянии сопротивляться национал-социализму. Католическая партия центра, единственная крупная буржуазная партия, пережившая выборы сентября 1930 г., хорошо знала судьбу Итальянской католической партии. Поэтому и она была готова оказывать сопротивление национал-социализму [Там же, 400–401]. Гитлер хочет поглотить, развалить, привести к послушанию и привязать к своей партии все буржуазные партии. Аналогичным образом действовал и Муссолини, но лишь после прихода к власти. Когда он начал борьбу за уничтожение всех буржуазных партий, он уже имел в своем распоряжении государственный аппарат. В отличие от Муссолини, Гитлер вынужден в условиях демократической власти осуществлять свою стратегию уничтожения других партий, дополняемую предложениями коалиций. Для этого, в отличие от Муссолини после его марша на Рим, он не может использовать государственный аппарат.

Шифрин был убежден в том, что государственный аппарат Германии останется вне досягаемости власти Гитлера [Там же, 394–395]. Наряду с консервативными элементами внутри правящего слоя Германии и партией центра, Шифрин видит третью важную силу, способную к сопротивлению при захвате власти национал-социалистами, а именно немецкий капитализм. Согласно Шифрину, попытка национал-социализма реализовать свои утопические социальные и экономические планы вызовет упорное

сопротивление немецких капиталистов [Там же, 410–411]. Гитлер не понимает законов современного высокоиндустриального общества. Отсюда его ненависть к «всепоглощающим силам» капитализма на его высшей стадии [Там же, 409–410; Grebing 1990, 240; Рута 1989, 40, 59]. Шифрин полагал, что большинство немецких капиталистов понимает, что национал-социалистическое мировоззрение противоречит важнейшим экономическим основам тогдашнего немецкого общества. Он явно переоценил дальновидность большинства немецких промышленников.

Сдвиг немецких консерваторов вправо после отставки правительства Брюнинга в мае 1932 г. не вызвал у Шифрина никаких опасений, связанных с усилением в лагере консерваторов тенденции к коалиции с национал-социалистами. Он интерпретирует этот сдвиг вправо как попытку немецких консерваторов управлять самим, без массовых партий, т.е. и без НСДАП. «Для правящих немецких консерваторов национал-социализм является слишком плебейским, слишком нестабильным и слишком революционным», – писал Шифрин в июле 1932 г. [Schifrin 1932^a, 100–101]. Он подвергает острой критике государственную власть, деятельность германского правительства после государственного переворота в Пруссии 20 июля 1932 г. (свержения социал-демократического правительства Брауна – Северинга). Шифрин отвергает (декабрь 1932 г.) название «бонапартистский», данное Троцким этому режиму [Schifrin 1932^b, 473]. Он считает, что таким названием Троцкий оказал этой системе слишком много чести. Военная диктатура – это еще не бонапартизм и не просто реставрация; он является наследием революции, представляет новые классы. В отличие от бонапартизма, немецкое государство – это сочетание военно-бюрократической диктатуры с феодальной реакцией [Там же, 473–474].

Несмотря на свою сокрушительную критику, Шифрин не верит в падение этого государства. Несмотря на то, что оно потерпело экономическое и политическое банкротство, его политическая гибель мало вероятна, считает он [Там же, 477–478].

Еще сильнее, чем Шифрин, в волю немецких консервативных кругов к сопротивлению Гитлеру верил Рудольф Гильфердинг: «Привыкший быть у власти консервативный слой Германии не собирается капитулировать перед плебейским массовым движением», – писал он 10 января 1933 г. Поскольку национал-социализм не смог достичь неограниченной власти, Гильфердинг считал, что самая опасная атака немецкого фашизма отражена [Hilferding 1933, 3–9].

Не иначе оценивали соотношение сил в тогдашней Германии и теоретики Коминтерна. Чтобы обосновать, почему в Германии едва ли вероятна «открытая фашистская диктатура» НСДАП, вожди Коминтерна и КПГ указывали на принципиальные отличия Германии от Италии. Германия – высокоразвитая промышленная страна с сильным пролетариатом и массовой коммунистической партией. Силы, противостоящие нацистской диктатуре в Германии, намного крепче, чем антифашистские силы в слабо развитой Италии в 1920–1922 гг. В июне 1932 г. председатель КПГ Эрнст Тельман писал: «В Германии, с ее огромным промышленным пролетариатом и ее сильной Коммунистической партией, такая перспектива (как в Италии) даже теоретически маловероятна» [Thälmann 1932, 277].

Удивительно, как марксистские теоретики разных оттенков, коммунисты и социал-демократы, могли поддаться иллюзии, что немецкое авторитарное государство способно самостоятельно, без помощи политических партий, управлять Германией. И это в революционную эпоху, во время одного из самых глубоких кризисов в истории Германии! Было мало таких марксистов, которые, как Август Тальгеймер, не верили во всемогущество немецкого авторитарного государства. К этому добавим еще одно замечание.

На рубеже 1932–33 гг. в Германии, помимо католического центра, были две массовые партии, которые были готовы сотрудничать с существующим правительством рейха – НСДАП и СДПГ. Решение о выборе партнеров по коалиции было, по существу, в руках правящих консерваторов. В 1923 г. государственный кризис в Германии был преодолен на основе альянса консерваторов с социал-демократами. Однако в

1933 г. влиятельные немецкие консервативные круги уже устали от альянса с «марксистами». Теперь они пытались выйти из кризиса, заключив коалицию с партией, которая считала себя смертельным врагом Веймарской республики и в своей программе рассматривала ликвидацию этого государства как категорический императив. Так началась новая эпоха, которую журналист и писатель Конрад Хайден в свое время назвал «эпохой безответственности» [Heiden 1936].

Хотя Шифрин, как и другие марксисты, рассматривая отношения старого консервативного класса с национал-социализмом, делал характерные для марксистов ошибки, его анализ отношений так называемых консервативных революционеров с национал-социализмом был оригинальным и дальновидным. В своей статье «Аристократический фашизм и благородный фашизм», написанной в июле 1932 г., Шифрин опередил многие тезисы, характерные для современных исторических исследований «консервативной революции». Он анализирует идеи тогдашней наиболее влиятельной «новой консервативной» группировки – кружка «Действие» под руководством Ганса Церера. Согласно Шифрину, этот кружок хотел использовать национал-социалистическое движение для осуществления «немецкого социализма». Но и национал-социализм также с выгодой использовал эту группировку, получая от нее дополнительную духовную подпитку и возможность отравлять общественное мнение своей идеологией [Schifrin 1932^a, 97]. Идея консервативного социализма, распространяемая кружком «Действие», противоречива и утопична по своей сути. Для таких людей, как Церер, наивность не может рассматриваться как смягчающий фактор, «...так как эти люди стремятся быть обманутыми, они хотя и в реакции найти социализм» [Там же, 103, 106]. Шифрин прекрасно понимал, что кружок «Действие» был далек от безоговорочного принятия национал-социализма. По интеллектуальным и эстетическим причинам члены этой группы больше симпатизировали итальянскому фашизму, а не аляповатому и неуклюжему национал-социализму. При этом «Действие» рассматривало, однако, национал-социализм как прекрасную возможность высвобождения экономико-революционных сил и выплеска энергии нации [Там же, 106]. «Действие» не верило в прочную историческую миссию национал-социализма. Нацизм лишь должен был расчистить путь для подлинного, революционного национального социализма, который шел бы за ним и заменил его. По этой причине группа «Действие» идеализировала нацизм. Однако бескорыстное «облагораживание» НСДАП еще более опасно, чем расчетливая эксплуатация нацизма в классово-политических интересах, подчеркивает Шифрин [Там же, 106–107]. Впоследствии некоторые исследователи «консервативной революции» указали на то, что идеализация национал-социализма некоторыми консервативными революционерами основывалась на трагическом непонимании. Философ Гельмут Кун писал в 1961 г. в этой связи: «В общем и целом, именно интеллектуалы Веймарского периода снабжали врагов республики оружием и боеприпасами. Но они делали это из-за непонимания. Их национальная или "консервативная" революция не была настоящей революцией, их Гитлер не был настоящим Гитлером... в то время как дух расходился с реальностью, реальность пала жертвой демонических сил» [Kuhn 1961, 5–7].

В основе поведения большинства консервативных революционеров лежала необыкновенная политическая наивность, которую не хотел признать Шифрин в отношении кружка «Действие». Члены этого кружка считали себя хладнокровными политиками, которые лишь позволяют национал-социализму подготовить действительно национальную революцию. По их плану создание мощного массового движения и свержение Веймарской республики были основными частями этой предварительной работы. После чего люди «Действия» хотели взять на себя руководство национальной революцией [Rauschnig 1941, 194–197]. Но после 30 января 1933 г. они стали никому не нужны. На самом деле, вместо того чтобы пожинать плоды труда других, они сами подготавливали полную победу НСДАП.

Захват власти национал-социалистами показал, сколь недостаточной была воля консервативных немецких элит защищать Веймарскую республику от ее радикальных

противников. Выяснилось, что проводимая СДПГ политика толерантности была ничем не лучше для предотвращения национал-социалистической диктатуры, чем экстремистско-изоляционистская политика КПГ. Внутри Социалистического интернационала все громче звучали голоса, которые требовали создания единого рабочего фронта, чтобы остановить победный марш фашизма, в связи с ненадежностью консервативных группировок. К сторонникам этой новой тактики принадлежал и Александр Шифрин. Отто Бауэр – один из ведущих теоретиков Социалистического интернационала – обратился в октябре 1933 г. к руководству Коминтерна с призывом окончательно отказаться от его непримиримой политики в отношении социал-демократии [Protokoll 1976, 286–287]. В рабочем движении росло стремление к преодолению раскола [Там же, 285–287]. Однако руководство Коминтерна по-прежнему было ослеплено догмой и отвергало предложения социал-демократов о единстве действий. Руководители СДПГ, которые по большей части находились либо в заключении в нацистских концентрационных лагерях, либо в эмиграции, по-прежнему характеризовались лидерами Коминтерна как «опора капитализма» [Там же, 286–287]. Однако стремление к преодолению раскола внутри европейского рабочего движения возрастало перед лицом крайне правой опасности. Руководству Коминтерна было все труднее противиться этому давлению со стороны европейского рабочего класса.

Послесловие

После захвата власти национал-социалистами Шифрин был вынужден снова эмигрировать. Чтобы не попасть в руки тоталитарного режима, на этот раз правого толка, Шифрин эмигрировал во Францию. Там он продолжил конфронтацию с национал-социализмом как публицист. Он писал статьи для журналов социал-демократической эмиграции. В изгнании он присоединился к левому крылу СДПГ. После разгрома Франции нацистами в июне 1940 г. Шифрину удалось бежать в США. Там он писал главным образом для меньшевистских органов печати. В меньшевистской партии Шифрин, как и в эмигрантской СДПГ, склонялся к левому крылу и тесно сотрудничал с лидером левых меньшевиков Федором Даном.

Источнику – Primary Sources in Russian

Высылка 2005 – Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ОГПУ 1921–1923. М.: Русский путь, 2005 [*Expulsion instead of Execution. The Deportation of the Intelligentsia in the Documents of VChk-OGPU 1921–1923* (in Russian)].

Ленин 1999 – Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999 [Lenin V.I. *Unknown Documents 1891–1922* (in Russian)].

Наше отечество 1991 – Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М.: Терра, 1991 [*Our Fatherland. Essay on Political history* (in Russian)].

Остракизм 2010 – Остракизм по-большевистски. Преследование политических оппонентов в 1921–1924 гг. М.: Русский путь, 2010 [*Stigmatisation in the Bolshevik Way. The Persecution of Political Opponents in the Years 1921–1924* (in Russian)].

Шифрин 1930^a – Шифрин А. Австрийские выборы и средневропейский фашизм // Социалистический вестник. 1930. 22 ноября [Schifrin, Alexander, *Elections in Austria and Central European Fascism* (in Russian)].

Шифрин 1930^b – Шифрин А. Фашизм в Германии // Социалистический вестник. 1930. 12 июля [Schifrin, Alexander, *Fascism in Germany* (in Russian)].

Шифрин 1931 – Шифрин А. Фашизм и антифашистский фронт // Социалистический вестник. 1931. 9 мая [Schifrin, Alexander, *Fascism and Antifascist Front* (in Russian)].

Шифрин 1932 – Шифрин А. Фашизм и антифашистский фронт // Социалистический вестник. 1932. 27 февр. [Schifrin, Alexander, *Fascism and Antifascist Front. Part II* (in Russian)].

Primary Sources in German

Heiden, Konrad (1936) *Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit*, Europa Verlag, Zürich.

Hilferding, Rudolf (1930) 'In der Gefahrenzone', *Die Gesellschaft*, 9, pp. 271–293.

Hilferding, Rudolf (1933) 'Zwischen den Entscheidungen', *Die Gesellschaft*, 1, 1933, pp. 3–9.

Nenni, Pietro (1945) *Sei anni di guerra civile*, Rizolli, Milano.

- Protokoll (1976) *Internationale Konferenz der Sozialdemokratischen Arbeiter-Internationale. Paris Maison de la Mutualité. 2.–25. August 1933*, Auvermann, Glashütten im Taunus.
- Radek, Karl (1930) 'Die Bilanz der Reichstagswahlen', *Inprekorr.* 26. 9, pp. 191–199.
- Schiffrin, Alexander (1930) 'Partei-probleme nach den Wahlen', *Die Gesellschaft*, 9, pp. 397–407.
- Schiffrin Alexander (1931^a) 'Gegenrevolution in Europa', *Die Gesellschaft*, 1, pp. 3–11.
- Schiffrin, Alexander (1931^b) 'Gedankenschatz des Hakenkreuzes&', *Die Gesellschaft*, 2, pp. 98–116.
- Schiffrin, Alexander (1931^c) 'Wandlungen des Abwehrkampfes', *Die Gesellschaft*, 4, pp. 394–411.
- Schiffrin, Alexander (1931^d) 'Einstellung auf Expansion', *Die Gesellschaft*, 6, pp. 499–515.
- Schiffrin, Alexander (1931^e) 'Die Internationale und die deutsche Krise', *Die Gesellschaft*, 9, pp. 204–211.
- Schiffrin, Alexander (1932^a) 'Adelfaschismus und Edelfaschismus', *Die Gesellschaft*, 7, pp. 97–112.
- Schiffrin, Alexander (1932^b) 'Krisenfazit und Kampfperspektive', *Die Gesellschaft*, 12, pp. 473–490
- Thälmann, Ernst (1932) 'Zu unserer Strategie und Taktik im Kampf gegen den Faschismus', *Die Internationale*, Juni, pp. 275–290.
- Trotzki, Leo (1971) *Schriften über Deutschland*, Europäische Verlagsanstalt, Frankfurt/Main.
- Vierter Kongress der Sozialistischen Arbeiterinternationale. Wien 25. Juli bis 1. August 1931. Berichte und Verhandlungen* (1932), Verlag des Sekretariats der Sozialistischen Arbeiter-Internationale, Zürich.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 1. P. 105–115

Emigrant Thinker Alexander Schiffrin and His Analysis of Fascism, 1929–1933*

Leonid M. Luks

The history of confrontation with fascism or National Socialism in the interwar period can be basically regarded as a history of erroneous estimates. Successes of both movements were conditioned not least by inability of their opponents, but also by inability of their allies, to understand their character. Not least because of this, analysts, who could timely recognize the nature of this challenge, deserve special attention. This article is devoted to one of these analysts. It is a German–Russian social democrat Alexander Schiffrin, whose acute analyses of fascism in the time when the National Socialists achieved one success after another, were paid insufficient attention in previous researches both in East and West.

KEY WORDS: Alexander Schiffrin, Rudolf Hilferding, Mensheviks, Social Democracy, Comintern, Communist Party of Germany, Fascism, National Socialism.

LUKS Leonid M. – DSc in History, Professor, Academic Supervisor of the International Laboratory for Study of Russian and European Intellectual Dialogue (National Research University. Higher School of Economics. Russian Federation).

leonid.luks@ku.de

Received at November 22, 2018.

Citation: Luks, Leonid M. (2019) 'Emigrant Thinker Alexander Schiffrin and His Analysis of Fascism, 1929–1933', *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2019) pp. 105–115.

DOI: 10.31857/S004287440003625-2

References

- Grebing, Helga (1990) 'Sozialdemokratische Arbeiterbewegung und Nationalsozialismus 1924–1933', Grebing, Helga, Kinner, Klaus (Hg.), *Arbeiterbewegung und Faschismus. Faschismus-Interpretationen in der europäischen Arbeiterbewegung*, Klartext Verlag, Essen, pp. 237–246.

* The research was carried out thanks to funding of Russian Foundation for Basic Research in the framework of the project No 5–100.

- Holzer, Jerzy (1975) *Parteien und Massen in Deutschland 1928–1930*, Steiner, Wiesbaden.
- Kuhn, Helmut (1961) 'Das geistige Gesicht der Weimarer Zeit', *Zeitschrift für Politik*, 8, pp. 1–9.
- Liebich, André (1995) 'Eine Emigration in der Emigration', Schlögel, Karl (Hg.), *Russische Emigration in Deutschland 1918–1941. Leben im europäischen Bürgerkrieg*, Akademie Verlag, Berlin, pp. 229–242.
- Liebich, André (1997) *From Other Shore. Russian Social Democracy after 1921*, Harvard University Press, Cambridge.
- Mommsen, Hans (1976) 'Zur Verschränkung traditioneller und faschistischer Führergruppen in Deutschland bei Übergang von der Bewegungs zur Systemphase', Schieder, Wolfgang (Hg.), *Faschismus als soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich*, Hoffman und Campe, Hamburg, pp. 157–181.
- Pyta, Wolfram (1989) *Gegen Hitler und für die Republik. Die Auseinandersetzung der deutschen Sozialdemokratie mit der NSDAP in der Weimarer Republik*, Droste, Düsseldorf.
- Rauschnig, Hermann (1941) *The Conservative Revolution*, Putnam's sons, New York.
- Schöler, Uli (2007) 'Alexander Schifrin. Grenzgänger zwischen russischer und deutscher Sozialdemokratie', Schmeitzner, Mike (Hg.) *Totalitarismuskritik von links. Deutsche Diskurse im 20. Jahrhundert*, Vandenhoeck&Ruprecht, Göttingen, pp. 69–82.
- Tucker, Robert C. (1963) *The Soviet Political Mind and post-Stalin Change*, F.A. Praeger, New York.